Н. Тальбергъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I

въ свѣтѣ исторической правды

(1839–1842)

Тѵпографія преп. Іова Почаевскаго.
Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
1 9 6 1.

Императоръ Николай I въ свѣтѣ исторической правды. (1839 - 1842 г.г.)

Въ царствованіе императора Николая сильно подвинулось дѣло возсоединенія уніатовъ. Государь желалъ только соблюденія осторожности въ проведеніи этого вопроса, чего и указано было имъ придерживаться въ 1834 г. 12 февраля 1839 г. соборъ уніатскихъ епископовъ и высшаго духовенства, собравшійся въ недѣлю Православія въ Полоцкѣ, составилъ торжественный актъ о присоединеніи уніатской церкви къ православной и всеподданнѣйшее прошеніе о томъ государю, подписанное 1305 духовными лицами. 25 марта царь написалъ на прошеніи: «Благодарю Бога и принимаю». За пастырями присоединилось и все полуторамилліонное уніатское населеніе литовской и бѣлорусской епархій. Торжественныя богослуженія совершены были въ Витебскѣ, Оршѣ, Полоцкѣ, Вильнѣ. Выбита была медаль съ надписью на одной сторонѣ: «Отторженные насиліемъ (1596) возсоединены любовью (1839)», на другой — подъ ликомъ Спасителя на убрусѣ: «Такова имамы Первосвященника». Бывшіе уніатскіе архіереи получили православныя епархіи западнаго края. Владыка Іосифъ (Сѣмашко) назначенъ былъ архіепископомъ литовскимъ, владыка Василій (Лужинскій) — епископомъ полоцкимъ, Антоній (Зубко) — минскимъ.

Въ 1839 г. государемъ отправленъ былъ въ Константинополь, Александрію и Іерусалимъ флигель-адъютантъ графъ Адамъ Адамовичъ Ржевускій. Онъ долженъ былъ привѣтствовать молодого султана Абдулъ-Меджида, только что вступившаго на престолъ. Принятъ былъ царскій посланецъ съ исключительными почестями. Выхлопоталъ онъ улучшеніе положенія православныхъ въ Святой Землѣ. Мегеметъ-Али, пашѣ египетскому, онъ передалъ пожеланіе государя объ отозваніи сына, Ибрагима-паши, выступившаго противъ султана. По возвращеніи гр. Ржевускій былъ принятъ государемъ и высказалъ мнѣніе, что отъ Мегеметъ-Али можно было бы добиться многаго въ отношеніи Палестины, если поддержать его. Государь отвѣтствовалъ: «Къ сожалѣнію, это невозможно, я не желалъ бы быть обязаннымъ обладанію Св. Мѣстами возстанію подданнаго противъ своего государя, ибо старый паша, въ концѣ концовъ, подданный султана, и подданный, которому послѣдній имѣетъ право отрубить голову... Конечно, охрана Св. Мѣстъ должна была бы намъ принадлежать безраздѣльно, или, по крайней мѣрѣ, мы должны были бы

имѣть тамъ больше и болѣе широкія права, чѣмъ латиняне. Это покровительство христіанамъ французами смѣшно. Въ Турціи, какъ и въ Сиріи, больше православныхъ, чѣмъ католиковъ, и наслѣдіе восточныхъ императоровъ не принадлежитъ французамъ».

7 августа состоялось торжественное открытіе Пулковской обсерваторіи. Академикъ Василій Струве, извѣстный астрономъ, въ 1838 году отправленъ былъ, по повелѣнію государя, въ Европу для заказа необходимыхъ инструментовъ: «самыхъ лучшихъ, какіе только могли приготовить лучшіе мастера». Главные заказы даны были фирмѣ братьевъ Репсольдъ въ Гамбургѣ. Въ Мюнхенѣ оптикъ Мерцъ изготовилъ 15-ти дюймовый рефракторъ, долгое время лучшій въ мірѣ. На докладѣ о семъ министра народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уварова, государь написалъ: «Прекрасно». Харвардскій астрономъ, американецъ Кливлэндъ Аббе считалъ два года, проведенные имъ на практикѣ у Струве, «самыми счастливыми въ жизни» и назвалъ Пулково «научнымъ раемъ». Веніаминъ Гулдъ, основавшій въ 1849 году американскій «Астрономическій журналъ», назвалъ Пулковскую обсерваторію «астрономической столицей міра».

Въ томъ же году графъ Уваровъ представилъ государю стихотвореніе А. С. Хомякова «Кіевъ», написанное имъ для «Кіевлянина», издававшагося тогда другомъ послѣдняго М. А. Максимовичемъ. Министръ писалъ: «Извѣстный нашъ поэтъ Хомяковъ, который, какъ кажется, могъ бы одинъ идти по стопамъ Пушкина, еслибъ постояннѣе занимался своимъ искусствомъ, написалъ нынѣ стихотвореніе, которое я считаю достойнымъ воззрѣнія Вашего Императорскаго Величества. Осмѣливаюсь при семъ всеподданнѣйше представить оное. Послѣдніе стихи имѣютъ отношеніе къ другому стихотворенію («Орелъ»), въ которомъ Хомяковъ воспѣвалъ **соединеніе всѣхъ Славянскихъ племенъ подъ хоругвію Россіи.** Эта мысль, которой онъ проникнутъ, проявляется въ каждой строкѣ, имъ написанной, глубокое религіозное чувство (въ чемъ Хомяковъ совершенно отличается отъ Пушкина), даетъ этой любимой мысли особую теплоту и возвышенность. Изящество языка и сила выраженій не оставляетъ, думаю, ничего желать болѣе». 30 сентября 1839. Рукою государя написано: «Не дурно», а по строкамъ: въ чемъ Хомяковъ отличается отъ Пушкина, по свидѣтельству Николая Барсукова, — тою же державною рукою сдѣланъ росчеркъ карандашемъ, какъ бы уничтожающій эти слова.

Въ 1839 г. Россію посѣтилъ французскій литераторъ маркизъ де Кюстинъ, выпустившій потомъ книгу объ этомъ путешествіи. Допущенныя имъ извращенія и злостность заставили даже мягкаго В. А. Жуковскаго назвать его «собакой». Изъ этой книги стоитъ привести, высказанныя ему императоромъ Николаемъ I, сужденія объ образѣ правленія: «Я понимаю республику, это — образъ правленія прямой и искренній или могущій, по крайней мѣрѣ, быть такимъ; я по-

нимаю абсолютную монархію, потому что я стою во главѣ подобнаго порядка вещей, но я не понимаю представительной монархіи. Это — правленіе лжи, обмана и коррупціи, и я скорѣе удалился бы въ Китай, чѣмъ когда-либо допустилъ его».

26 августа на Бородинскомъ полѣ состоялся военный парадъ. Государь со слѣдующими словами обратился къ войскамъ: «Ребята! Предъ нами памятникъ, свидѣтельствующій о славныхъ подвигахъ вашихъ товарищей! Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, за 27 лѣтъ передъ симъ, надменный врагъ возмечталъ побѣдить русское войско, стоявшее за вѣру, царя и отечество! Богъ наказалъ безразсуднаго: отъ Москвы до Нѣмана разметаны кости дерзкихъ пришельцевъ — а мы вошли въ Парижъ. Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. Итакъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ императору Александру I, — его твердою волею спасена Россія; вѣчная слава павшимъ геройскою смертью товарищамъ нашимъ, и да послужитъ подвигъ ихъ примѣромъ намъ и позднѣйшему потомству. Вы же всегда будете надеждой и оплотомъ вашему государю и общей матери нашей Россіи».

Князь А. В. Мещерскій поступилъ въ 1838 г. юнкеромъ въ Оренбургскій уланскій полкъ 6-ой кавалерійской дивизіи. Полкомъ командовалъ его дядя князь Ливенъ. Мещерскій описываетъ маневры 1839 года на Бородинскомъ полѣ: «Государь Николай Павловичъ стоялъ верхомъ на пригоркѣ передъ Бородинской колонной, пропуская мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, безъ перерыва въ продолженіе 8 часовъ, всѣ двѣсти пятьдесятъ тысячъ, собраннаго въ это время на Бородинскомъ полѣ войска. Нельзя было не удивляться его необыкновенной силѣ и энергіи: онъ стоялъ все время недвижимо на своемъ высокомъ конѣ, какъ великолѣпная мраморная статуя древняго рыцаря, не перемѣняя почти ни разу своего положенія. Въ это время Государь Николай Павловичъ передъ своей грозной арміей дѣйствительно изображалъ собой одного изъ тѣхъ легендарныхъ героевъ-великановъ, которыхъ всѣ воинственные народы любятъ воспѣвать въ своихъ народныхъ пѣсняхъ. Лучше сказать: Государь Николай Павловичъ въ эту минуту представлялъ собою по истинѣ идеальный типъ царя могущественной державы въ Европѣ, какимъ онъ и былъ въ то время въ дѣйствительности.»

Англійскій посолъ въ Петербургѣ, Лофтусъ, писалъ въ 1840 году: «...Въ императорѣ Николаѣ было что-то удивительно величественное и внушительное; несмотря на его суровый видъ, онъ поражалъ плѣнительной улыбкой, и его манеры были очень пріятны. Вообще это былъ благородный, великодушный человѣкъ, и всѣ близко его знавшіе питали къ нему преданную любовь. Его суровость объяснялась не желаніемъ его быть жестокимъ, а убѣжденіемъ, что слѣдовало въ то время управлять всѣмъ свѣтомъ твердой, желѣзной рукой».

Въ Свѣтлое Христово Воскресеніе освященъ былъ Зимній Дворецъ, отстроенный послѣ пожара. Передъ заутреней былъ крестный ходъ. Въ Бѣлой залѣ процессія двигалась между длинными рядами мастеровыхъ, большей частью бородатыхъ мужиковъ въ кафтанахъ. Розговѣны были устроены на 3000 человѣкъ. Въ томъ же году расширено было пристройкой помѣщеніе Императорской публичной библіотеки.

Въ 1839 г. Наслѣднику Цесаревичу, великому князю Александру Николаевичу было указано, «чтобы слушать и учиться», присутствовать на засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, но безъ права голоса.

11 февраля скончался графъ М. М. Сперанскій. Государь былъ очень огорченъ кончиною этаго выдающагося государственнаго дѣятеля, близкаго его сподвижника. Онъ говорилъ М. А. Корфу: «... И я, и ты, по близкимъ къ нему отношеніямъ, и всѣ мы понесли потерю ужасную, неизмѣримую..! А твое дѣло, оставаться вѣрнымъ его школѣ: служи по-прежнему, не обращай вниманія на то, что слышишь вокругъ себя, иди своимъ путемъ, какъ велятъ честь и совѣсть; словомъ, дѣйствуй въ духѣ и правилахъ покойнаго — мы останемся всегда друзьями и ты будешь полезенъ не только мнѣ, но и Сашѣ». Князю И. В. Васильчикову государь писалъ, что эта невозвратимая потеря заставляетъ его испытывать жестокое огорченіе.

Генералъ П. Х. Граббе, состоя съ 1838 г. командующимъ войсками линіи и Черноморія, былъ посланъ въ 1839 г. въ Дагестанъ съ Чеченскимъ отрядомъ для овладѣнія оплотомъ мюридизма ауломъ Ахульго. 22 августа онъ съ большими трудностями и кровопролитіемъ овладѣлъ имъ. Но Шамиль ускользнулъ. Граббе награжденъ былъ званіемъ генералъ-адъютанта и орденомъ Св. Кн. Александра Невскаго. Считали Шамиля конченнымъ. Но государь думалъ иначе. На докладѣ о событіи онъ написалъ: «Прекрасно, но жаль, что Шамиль ушелъ и признаюсь, что опасаюсь новыхъ его козней. Посмотримъ, что далѣе будетъ». Въ 1840 г. оправившійся Шамиль снова появился въ Чечнѣ и Дагестанѣ.

Въ концѣ 1839 г. сильно болѣла великая княжна Ольга Николаевна. Кризисъ послѣдовалъ на 28 день. Извѣстно, со словъ лейбъ-медика Маркуса, стоявшаго во главѣ многихъ врачей, что государь по восемь разъ въ день заходилъ провѣдать больную, по ночамъ же подходилъ къ дверямъ и со слезами прислушивался къ ея стонамъ. Когда опасность миновала онъ хотѣлъ подарить дочери давно приготовленный подарокъ — двѣ драгоцѣнныя жемчужины Севинье. Маркусъ, опасаясь волненія больной, запретилъ врученіе ей жемчужинъ. Государь недѣлю носилъ жемчужины въ карманѣ, ожидая разрѣшенія врача. Когда больная поправлялась, государь становился на колѣни и кормилъ ее изъ своихъ рукъ, слѣдуя предписанію врача.

Въ 1839 г. государь, посѣтивъ Коломенское, какъ всегда, прежде

всего отправился въ церковь. Тамъ въ это время происходила крестьянская свадьба. Дождавшись окончанія богослуженія, онъ поздравилъ новобрачныхъ и велѣлъ имъ явиться въ Москву во дворецъ. Тамъ они были обласканы и одарены царемъ и царицей («Истор. Вѣст.» 1915).

Въ 1840 г. продолжалъ оставаться сложнымъ турецкій вопросъ. Россія, какъ и въ предыдущіе годы, поддерживала султана въ его столкновеніи съ египетскимъ пашей. Франція же поощряла домогательства Мегмедъ-Али. Англію тревожили дружественныя отношенія Россіи и Турціи. Въ Лондонѣ состоялась конференція для разсмотрѣнія египетскаго вопроса. Въ ней приняли участіе представители Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи. Султанъ былъ поддержанъ и вынесено рѣшеніе, что турецкія дѣла будутъ впредь разрѣшаться совмѣстно этими державами. Въ лондонской конференціи 1841 г. приняла участіе и Франція, примкнувшая къ соглашенію. Конференціи эти ослабили то исключительное значеніе, которое, съ тридцатыхъ годовъ, имѣла Россія въ турецкихъ дѣлахъ. Наряду съ этимъ, Россію устраивало усиленіе конференціей запрета для всѣхъ государствъ проводить военныя суда изъ Чернаго моря въ Средиземное и обратно.

Въ концѣ мая государь прибылъ въ Берлинъ и присутствовалъ при кончинѣ короля Фридриха-Вильгельма III. При гробѣ несли дежурство русскіе генералъ-адъютанты, флигель-адъютанты и чины Кавалергардскаго полка. Вступившій на престолъ сынъ покойнаго, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, братъ императрицы Александры Ѳеодоровны, принялъ отрядъ кавалергардовъ, обнялъ старшаго унтеръ-офицера и рядового; обласкавъ каждаго, онъ говорилъ о своихъ наслѣдственныхъ чувствахъ къ Россіи. Король опубликовалъ завѣщаніе отца. Въ немъ говорилось и объ иностранной политикѣ: «Постарайся сохранить, по мѣрѣ возможности, доброе согласіе, существующее между европейскими державами, въ особенности, чтобы Пруссія, Россія и Австрія никогда не раздѣлялись».

Въ Москвѣ шла постройка большого Кремлевскаго дворца. Государь не разъ бывалъ на работахъ. Однажды архитектурный помощникъ Горскій выразилъ сожалѣніе о предназначенномъ на сломъ извѣстномъ изразчатомъ Крутицкомъ теремкѣ. Государь поблагодарилъ его и запретилъ это трогать.

Начало сороковыхъ годовъ ознаменовано было сближеніемъ Россіи съ Англіей. Въ 1841 г. государь посѣтилъ Лондонъ. Недоволенъ былъ онъ внутренними дѣлами въ Пруссіи, гдѣ проявились либеральныя вліянія. Государь говорилъ: «Мой шуринъ идетъ на гибель». Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV продолжалъ держаться Россіи. На военномъ праздникѣ онъ заявилъ: «Будемъ всегда помнить, какъ много Пруссія обязана признательностью Россіи. Русскій импера-

торъ не только мой родственникъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ мой ближайшій и лучшій другъ; это настоящій другъ Пруссіи».

Въ 1841 г. послѣдовалъ секретный рескриптъ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта князя Васильчикова: «Князь Иларіонъ Васильевичъ! Признавъ за благо въ отсутствіе мое поручить любезнѣйшему сыну моему, Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу, рѣшеніе по дѣламъ Комитета Министровъ, предлагаю Вамъ о семъ объявить Комитету. Тѣ дѣла, по коимъ слѣдовать будутъ указы, представить особо на мое разсмотрѣніе».

Въ «Запискахъ» М. А. Корфъ отмѣчаетъ слѣдующее. Динабургскимъ комендантомъ былъ генералъ-лейтенантъ Гельвигъ опытный, отличный инженеръ, но и взяточникъ. Государь, государыня и великая княжна Ольга остановились въ 1841 г. въ Динабургѣ. Помѣщеніе имъ было отведено въ комендантскомъ домѣ. Государь вызвалъ къ себѣ Гельвига и со строгимъ выраженіемъ лица, обратился къ нему: «Гельвигъ, долженъ сдѣлать тебѣ вопросъ по совѣсти, но дай честное слово, руку на сердце, что отвѣтишь сущую правду?» — Комендантъ испугался, ожидая грознаго допроса. — «Правда ли, что ты ненавидишь женщинъ?» — «Во всякомъ правилѣ есть изъятіе, и Ваше Величество, конечно, не изволите подумать (императоръ Александръ II, читая «Записки» исправилъ: «онъ отвѣчалъ по французски: «Sir, c'est une calmie, вмѣсто calomnie» (клевета).). — «Ну, извини же, что я навязываю тебѣ жену и дочь; когда онѣ выѣдутъ, ты можешь обмыть и обкурить свой домъ, чтобы и духу ихъ не осталось».

Въ концѣ 1841 г. въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривалось рѣшеніе Сената объ одномъ крестьянинѣ, который, въ пьяномъ видѣ, произнесъ дерзкія выраженія противъ царя. Онъ присужденъ былъ на каторгу. Вопреки своему обычаю, государь утвердилъ меморію. Видимо Наслѣдникъ Цесаревичъ сообщилъ объ этомъ дѣлѣ отцу. Послѣдовало Высочайшее прощеніе крестьянина. Вечеромъ же на балу у гр. Воронцова, государь сказалъ Корфу, «что не понимаетъ, какъ это дѣло могло у него проскочить».

Государь считалъ необходимымъ постройку желѣзныхъ дорогъ для преодолѣнія столь огромныхъ въ Россіи разстояній. Приходилось ему выслушивать разныя возраженія. Отрицательно относился къ этому вопросу главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями графъ К. Толь. Въ началѣ 1842 г. государь приказалъ приступить къ постройкѣ желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвой. Инженеры корпуса Путей Сообщенія полковники Мельниковъ и Крафтъ были назначены состоящими при государѣ. Имъ поручено было составленіе проектовъ и смѣтъ. 1 февраля послѣдовалъ Высочайшій указъ о постройкѣ на средства казны желѣзной дороги между обѣими столицами. Предсѣдателемъ Комитета, наблю-

дающимъ надъ постройкой, назначенъ Наслѣдникъ Цесаревичъ. На мѣсто скончавшагося гр. Толя назначенъ былъ гр. П. А. Клейнмихель, извѣстный своей исполнительностью и настойчивостью. Изысканія велись весь 1842 г. и частично 1843 г. Шоссе, соединявшее Петербургъ и Москву шло черезъ Новгородъ, Вышній-Волочекъ, Торжокъ и Тверь. Мельниковъ приготовилъ два плана. По одному — дорога придерживалась шоссе, по другому, — минуя упомянутые города, шла по прямому направленію на Тверь. Получалось сокращеніе, представлявшее выгоду для пассажировъ и грузовъ. Государь, выслушавъ докладъ, приказалъ вести дорогу прямо.

Гр. Корфъ пишетъ, что 25 января государемъ, по случаю утвержденія проекта желѣзной дороги между столицами, была принята депутація въ составѣ 17 почтенѣйшихъ купцовъ, благодарившая за новый знакъ монаршаго попеченія о пользѣ и процвѣтаніи коммерціи. «На другой день», пишетъ Корфъ, «я видѣлся съ нѣкоторыми изъ нихъ, и они все еще были въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Императоръ Николай зналъ и любилъ Русь, какъ зналъ и любилъ ее до него развѣ одинъ только Петръ Великій, а знаніе народа, согрѣтое любовью, всегда дѣйствуетъ съ электрической силою. Онъ принялъ депутацію въ своемъ кабинетѣ, въ сюртукѣ, за-просто, по домашнему, что съ первой же минуты произвело самое пріятное впечатлѣніе. Прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ выговорить слово, онъ началъ съ изъявленія своей благодарности за вниманіе купечества къ попеченіямъ объ этомъ дѣлѣ. — Мнѣ надо было, — продолжалъ онъ, — бороться съ предубѣжденіями и съ людьми; но когда я самъ убѣдился, что дѣло полезно и необходимо, то ничто уже не могло меня остановить. Петербургу дѣлали одно нареканіе: что онъ на концѣ Россіи и далекъ отъ центра имперіи; теперь это исчезнетъ. Черезъ желѣзную дорогу Петербургъ будетъ въ Москвѣ и Москва въ Кронштадтѣ. — Потомъ, обращаясь къ Цесаревичу, онъ прибавилъ: — Но человѣкъ смертенъ и потому, чтобы имѣть увѣренность въ довершеніи этого великаго дѣла, я назначилъ предсѣдателемъ Комитета желѣзной дороги вотъ его: пусть онъ и додѣлаетъ, если не суждено мнѣ. — Аудіенція закончилась призывомъ къ купечеству содѣйствовать благодѣтельнымъ попеченіемъ правительству своею дѣятельностью и честностью».

Приводитъ гр. Корфъ появившуюся въ мартѣ 1842 г. въ парижскомъ журналѣ «Minerve» статью о Петербургѣ неизвѣстнаго автора, пожелавшаго представиться императору и допущеннаго на пріемъ дипломатическаго корпуса. «Я ждалъ минуты выхода императора, признаюсь, не безъ нѣкотораго внутренняго волненія. Въ залѣ царствовало какое-то тревожное молчаніе, будто предвѣстіе великаго событія. Для меня увидѣть императора было дѣломъ великой важности. Я не умѣлъ отдѣлить въ моихъ мысляхъ человѣка отъ идеи о его власти, ни идеи власти отъ человѣка, и потому ожидалъ въ Николаѣ

какъ бы олицетворенія его исполинской монархіи. Онъ вошелъ. Я увидѣлъ черты, какими изображаютъ намъ героевъ древности: высокій лобъ, проницательный взглядъ, исполненный достоинства, ростъ и формы Алкивіада. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, онъ поклонился на обѣ стороны, однимъ протянулъ руку, другихъ привѣтствовалъ милостивою улыбкою, съ нѣкоторыми сталъ бесѣдовать то по-русски, то по-французски, то по-нѣмецки, то по-англійски, и все одинаково свободно. Когда пришла моя очередь, онъ много и долго говорилъ о чужихъ краяхъ. Ему все было извѣстно: мысль и рѣчь переходили отъ востока къ западу, отъ юга къ сѣверу; замѣчанія его о разныхъ странахъ и о различныхъ ихъ отношеніяхъ были такъ тонки и обличали такое глубокое знаніе, что, забывъ монарха, я дивился въ немъ мыслителю. Откуда находится у него время, чтобы имѣть обо всемъ такое справедливое и основательное сужденіе? Цѣлая администрація колосальной имперіи въ немъ сосредоточивается, ни одно, сколько-нибудь важное дѣло не рѣшается безъ него; просьба послѣдняго изъ подданныхъ восходитъ на его усмотрѣніе, каждое утро, съ раннихъ часовъ, онъ работаетъ съ своими министрами, каждая ночь застаетъ его опять за рабочимъ столомъ»

М. А. Корфъ такъ высказывается по поводу этой статьи: «Все, что можно сказать объ этомъ портретѣ, это то, что онъ былъ еще ниже истины. Французъ и при томъ тогдашній французъ, привыкшій къ конституціоннымъ королькамъ, не могъ вполнѣ судить о бремени, лежащемъ на самодержавномъ монархѣ огромной Россіи, а кто несъ это бремя добросовѣстнѣе, благоразумнѣе Николая! Независимо отъ высшихъ качествъ, которыя могли быть оцѣнены одними русскими, и изъ нихъ, преимущественно, одними приближенными, въ наружности, въ осанкѣ, въ бесѣдѣ, во всѣхъ пріемахъ императора Николая были, дѣйствительно, какое-то обаяніе, какая-то чаровавшая сила, какому вліянію не могъ не подчиниться, увидавъ и услышавъ его, даже и самый лютый врагъ самодержавія».

Въ 1842 г. были обнаружены страшные безпорядки въ судебной части петербургскаго ген.-губернаторства. Ген.- губернаторомъ былъ графъ П. К. Эссенъ. Дѣло разсматривалось Государственнымъ Совѣтомъ и было подробно изложено въ журналѣ его засѣданія. Государь на журналѣ положилъ резолюцію: «Неслыханный срамъ! безпечность ближняго начальства неимовѣрна и ничѣмъ неизвинительна; мнѣ стыдно и прискорбно, что подобный безпорядокъ существовать могъ почти подъ глазами моими и мнѣ оставаться неизвѣстнымъ». Эссенъ былъ уволенъ и на его мѣсто назначенъ ген.-адъютантъ Кавелинъ.

Въ 1842 году, въ бытность генералъ-губернаторомъ Д. Г. Бибикова, въ юго-западныхъ епархіяхъ опредѣлены были постоянные оклады жалованія православному духовенству. Высочайше утвержде-

но было положеніе объ обработкѣ прихожанами для приходскихъ священниковъ десяти десятинъ церковной земли. Постройка церковныхъ и всѣхъ службъ тѣмъ же закономъ отнесены на обязанность прихожанъ, съ обязательствомъ помѣщиковъ выдавать для сего лѣсной матеріалъ.

Какъ сообщаетъ Корфъ, каждый годъ, въ день 14 декабря, въ дворцовой церкви, совершалось богослуженіе, на которое приглашались лица причастныя къ событіямъ 1825 года. Послѣ молебна провозглашалась вѣчная память «рабу Божію графу Михаилу и всѣмъ въ сей день за вѣру, царя и отечество убіеннымъ». Провозглашалось потомъ многолѣтіе «храброму всероссійскому воинству». Послѣ службы всѣ допускались къ рукѣ императрицы, и цѣловались съ государемъ, какъ въ Свѣтлый праздникъ. Императоръ посѣщалъ въ этотъ день Конногвардейскій и Преображенскій полки, пока тамъ находились ветераны того времени.

Въ 1842 г. возстановлена Казанская Духовная Академія. Она была открыта въ 1797, а въ 1818 г. обращена въ семинарію.

Н. Тальбергъ.